

имевшая вполне определенные прагматические цели обоснования существования церкви, являет собой синтез религиозных и философских идей, который в значительной степени способствует утверждению и детализации различий между мирским и божественным, отчетливо формулируя причину, по которой земное эмпирическое бытие человека менее значимо, чем истинный трансцендентный «метафизический мир». После Августина традиция христианского платонизма становится основой европейского мировоззрения. Известно, что история христианской церкви отмечена периодами разрастания ересей. Если мы обратимся к традиции философской мистики, как правило связанной с еретическими учениями, то увидим, что она во многом стала возрождением подлинного религиозного чувства. В мистических учениях средневековья преодолевается различие между завершенным божественным бытием и становящимся бытием человека через утверждение возможности слияния человека с Богом. В противоположность каноническому христианству, настаивавшему на беспомощности человека перед лицом Господа (ведь «спасение зависит от Божественной благодати» – св. Августин), в гностических ересьях складывается мотив «человекобожия», представление о величайшем значении жизни человека для судеб всего мира. Коренной переворот в европейской философии, осуществленный Ф. Ницше, А. Бергсоном, М. Шелером, Ф. Достоевским, связанный с рождением метафизики нового типа и названный впоследствии «антропологическим», постулирует новое понимание абсолюта, связанное с обоснованием уникального человеческого бытия. С этих пор утверждается, что человек находится в постоянной абсо-

лютной связи с ним, и эта связь обуславливает творческую энергию каждой личности, ее способность творчески выстраивать свою судьбу, господствовать над всем миром. Такова, например, позиция Бергсона. Эта связь – залог творческой способности человека. В каноническом христианстве, как и в классической метафизике, «абсолют» понимается как нечто, к чему неприменим термин «становление». Бергсон был первым, кто, сохранив представление о целостности абсолюта, отверг традиционное утверждение о его статичности. Определяя становление как фундаментальное и важное, хотя и не умопостигаемое, определение бытия, утверждая, что «Бог... есть непрекращающаяся жизнь, действие, свобода» [6, с. 244], Бергсон уже на уровне философии пытается опровергнуть утверждение о непреодолимой грани между мирским и божественным.

Разумеется, мы не претендуем на то, чтобы оценить социальное значение подобных теорий в исторической перспективе. Было бы нелепостью сказать, что трансформация христианства завершилась и однозначно оценить ее итог как положительный или отрицательный. Эта проблема велика и требует особого внимания. Перспективой дальнейшего анализа могли бы стать оценка современных подходов к проблеме взаимоотношения человека и надчеловеческой сущности, рассмотрение неклассической метафизики в ее отношении к дуальности «Бог – человек», а также выработка дальнейших критериев трансформации религии в феномен массовой культуры. Кроме этого, мы планируем ответить на вопрос, каким образом выделенные критерии коррелируют с представлениями о массовом обществе, и продолжить их обоснование.

Литература

1. Митрохин Л.Н. Философия религии: новые перспективы // Вопр. философии. 2003. № 8.
2. Рорти Р. От религии через философию к литературе. Путь западных интеллектуалов // Вопр. философии. 2003. № 3.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1989.
4. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1990.
5. Евлампиев И.И. Неклассическая метафизика или конец метафизики? Европейская философия на распутье // Вопр. философии. 2003. № 5.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001.

С.К. Севастьянова

ЗАВЕЩАНИЕ-УСТАВ ПАТРИАРХА НИКОНА*

Рубцовский индустриальный институт

В рукописном сборнике конца XVII в., содержащем цикл произведений о патриархе Никоне, есть одно, которое по форме и содержанию имеет завещательно-уставной характер (РГБ, Музейное собр., № 9427, л. 485 об., 493 об.). Это произведение патриарха Никона, ранее не привлекавшее внимание исследователей, известно пока в единственном списке [1, с. 510; 2]. Произведение Никона (в рукописи оно не получило своего наименования) в композиции

имеет четыре части, которые четко выделяются заголовками: сначала – «Молитва», затем следует текст «Веры несомненное мое», словами «Во имя Отца и Сына Святаго Духа» начинается третья часть, в которой автор рассуждает о смерти, грехах и спасении души, и четвертая, уставная часть, названа «О еже како подобает имети попечение настоятелю самому, с ним же и всем братии святаго монастыря его о церковном и всевятом благочинии и о соборной молит-

ве». (Далее текст произведения патриарха Никона цит. по: РГБ, Музейное собр., № 9427; листы указываются в круглых скобках.)

Уставная часть содержит рассуждения автора о поведении монахов в церкви во время службы. Изложение требований сопровождается цитатами из Священного Писания, сочинений отцов церкви, основателей монашества; кроме того, автор прибегает к назидательным примерам из патериковых повестей, причем, как правило, источники цитат точно обозначаются.

Третья часть содержит этикетного характера указания на авторство патриарха Никона: «Аз, окаанный и недостойный... Никон, патриарх Московский», место: «...и заключенный во свой Воскресенский монастырь» и цель составления произведения: «...ради любви и спасения моего же и всех братии моих и еще жив сый, изложих сия написания, яко да и сущии с вами по моем отшествии начнут хранити сия».

В «Молитве» и статье «Веры несомненное мое» имя патриарха Никона тоже упоминается, только в первой части при повествовании от 1-го лица («...и Твое Божество всепремилостивое да восприимет мя, недостойнаго и смиреннаго, Никона, патриарха, раба Твоего, во злоприключениях же моих вопиющаго к Тебе умильно...»), во второй – при обращении к Никону, т.е. когда повествование переходит в рассуждения от 2-го лица («Двех смертей не будет ти, о Никоне, а единыя и никто же избежати возможет»).

В содержании и стилистике уставная часть произведения патриарха Никона близка древнерусским духовным завещаниям и уставам игуменов-основателей монастырей, традиционные элементы и жанровые особенности которых определила в своей работе немецкая исследовательница Ф. фон Лилиенфельд [3, с. 80–98]. Этот самый древний вид монастырского устава, названный исследовательницей типиконом-завещанием игумена-основателя или обновителя монастыря, создавался не при основании обители, а лишь незадолго до смерти или ухода игумена; обычно сначала игумен рассказывал о своей жизни и об

основании им обители, а потом убеждал своих монахов держаться и по его смерти того порядка, который был установлен при жизни основателя-игумена [3, с. 85–86]. По содержанию уставная часть Духовной грамоты Никона в наибольшей степени близка «преданию» Ефросина Псковского, краткой редакции устава Иосифа Волоцкого, общежительному уставу Корнилия Комельского, уставу Павла Вологодского, в которых правила для монахов объединяются по тематическому принципу в главы, каждая из которых имеет собственное название: например, в «предании» Ефросина Псковского есть главы «О стяжании», «О ястии и питии», «О игумене», «О потребах» и т.д., в краткой редакции устава Иосифа Волоцкого – «О соборной молитве», «О одеждах и обушах», «О святых иконах и книгах» и т.д., в уставе Корнилия Комельского – «О благоговеинстве и о благочинии трапезном, и о пици и питии», «О еже не просити никому что от внешних, мирских, или инок» и т.д. В отличие от перечисленных уставов, в произведении Никона внимание уделяется лишь одной теме – «соборной молитве» – поведению монахов в храме и сохранению монастырской богослужебной практики. Значит, для патриарха Никона эта тема имела особое значение и явилась главной целью при составлении произведения.

Поиски текста, близкого по своей тематике уставной части произведения патриарха Никона, привели меня к пространной (минейной) редакции монастырского устава крупного церковного деятеля и публициста конца XV – начала XVI вв. Иосифа Волоцкого. При сравнении двух текстов оказалось, что в основе уставной части сочинения Никона лежит предисловие и первая глава «О еже, како подобает попечение имети Настоятелю и всей братии о церковном благочинии и о соборной молитве» Устава – духовной грамоты Иосифа Волоцкого [4, стб. 499–513]. (Далее текст духовной грамоты Иосифа Волоцкого цитируется по этому изданию, столбцы указываются в круглых скобках.) Приведу примеры:

Духовная грамота Иосифа Волоцкого	Завещание-устав патриарха Никона
В имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завещаваю и являю духовному Настоятелю, иже по мне сущему, и всем яже о Христе братиям моим, от перваго даждь до последняго. Аз, окаанный и недостойный Иосиф игумен, противу моея силы Христовы ради любви и спасения моего и всех о Христе братий моих, и еще жив сый изложих сия написана, яко да и сущу ми с вами и по моем ошествеи хранити сия. Лета убо к старости приближишяся, и смертнаа чаша уготовляется. Въпадох убо в многия и различныя болезни, и ничтоже ино възвещающе ми, разве смерть и // страшный суд Владыкы моего Христа Бога (стб. 499–500)	Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Завещаю и являю духовному настоятелю, иже по мне сущему, и всем еже о Христе братиям моим, с от перваго дажде и до последняго. Аз, окаанный и недостойный и заключенный во свой Воскресенский монастырь Никон, патриарх Московский, противу моея силы Христовы ради любви и спасения моего же и всех братии моих, и еще жив сый изложих сия написания, яко да и сущии с вами по моем отшествии начнут хранити сия. Лета убо моя к старости уже приближишяся, и смертна ми чаша во утомлении моем уготовляется. Впадох убо во многия и различныя моя болезни, и ничтож ино възвещающе ми, разве смерть и страшный суд Владыкы моего Христа Бога (л. 486)

В предисловии к духовной грамоте Иосифа Волоцкого имя автора заменено на имя патриарха Никона с необходимыми уточнениями о месте и об-

стоятельствах написания произведения, усилен завещательный момент: во-первых, введением уточнения об «утомлении» в обороте о «смертной чаше»;

во-вторых, частым употреблением падежных форм личного местоимения 1-го л. ед. ч.

Уставные части произведений Иосифа Волоцкого и патриарха Никона текстуально близки. Между тем Никон в своем завещании, на мой взгляд, постоянно пытается акцентировать внимание читателей на теме

духовного восхождения к Богу, на пользе молитвы и внутреннего созерцания. По сравнению с Иосифом Волоцким он дает более широкие цитаты из текстов Священного Писания, вводит дополнительные слова, меняет формы слов, чтобы уточнить и конкретизировать рассуждения автора. Приведу два примера:

Духовная грамота Иосифа Волоцкого	Завещание-устав патриарха Никона
Сего ради Пророк убо с страхом вопиет: «Из глубины възвах к тебе, Господи». Виждь убо, како глаголет и молится из глубины сердечныя и с прилежанием и с болезнующею душею и съкрушеною мыслию: та бо молитва к небеси възводящая, якоже бо воды дондеже по равней земли текут, не въздвижутся к высоте; внегда жетя от течения заградивше съберут и утесняеми стрелы всякыя борзейши к высоте възлетают. Тако и человеческая мысль дондеже убо в безстрашии и небрежении о себе пребывает, много разливается и растичется; внегда же вешем скръбным и печальным обстоянием одоле утеснится съгнетаема зелне, тогда чисты и благомощны молитвы к высоте възсылает (стб. 508). Глаголет бо божественый Златоуст: «Яко не токмо възбранити подобает празднословящим, но и от священныя ограды отженути». Также и священная правила повелевают: аще ли же будет неотложна что глаголати, подобает вьн от пения изыти, или после пения глаголати, и прежде отпущения не исходит из церкви, кроме немощи и нужнаго дела монастырьскаго (стб. 512)	Сего ради Пророк убо со страхом вопиет: «Из глубины възвах к тебе, Господи; Господи, услыши глас мой». Виждь убо, како глаголет, и молится из глубины сердечныя, и с прилежным прилежанием, и з болезнующею душею, и сокрушеною мыслию: такова бо молитва к небеси возводит, якоже бо воды дондеже по равной земли текут, не въздвижутся к высоте; внегда жетя от течения своего заградивше путь свой соберутся и утесняеми суть стрелы всякыя борзейши ко высоте възлегают. Тако и человеческая мысль, дондеже убо в безстрашии и небрежении о себе пребывает, премного разливается и растичется; внегда же вещьми прискорбными и печальным обстоянием, утеснится согнетаема зелне, тогда частыя и чистыя и благопомощныя молитвы спасительный к высоте възсылает (л. 490). Глаголет бо и божественый Златоустый: «Яко не токмо възбранити подобает празднословящих и буих, но и от священныя ограды отженути их». Также и священная правила повелевают: аще ли же приидет нужда велья и неизбытная, что кому проглаголати, и тогда подобает с помаанием искуснейшим вон от святаго песнопетия изыти, или по совершении пения возглаголати, и прежде всего исполнения и отпущения не исходит из церкви, кроме великия немощи по телеси или нужнаго ради вельми дела монастырьскаго (л. 493)

Использование патриархом Никоном в качестве литературного источника Устава Иосифа Волоцкого не противоречит сложившейся в начале XVII в. в России практике разного рода заимствований из произведений волоколамского игумена. М.А. Коротченко обнаружены многочисленные заимствования из сочинений Иосифа Волоцкого, в основном из «Просветителя» и некоторых его посланий в историко-публицистических повестях о смуте [5, с. 396–428; 6, с. 112]. Заимствования из произведений Иосифа Волоцкого разделены на три группы: относительно близкий к тексту пересказ, выраженный в заимствовании композиционного построения, использовании той же образно-символической последовательности и появлении идентичных обращений к адресату; прямые компиляции из произведений Иосифа Волоцкого; идейное влияние произведений Иосифа Волоцкого [5, с. 401–402]. Если, по заключению исследователя, в повестях смутного времени преобладают заимствования первого и третьего видов, а прямых компиляций «сравнительно мало», прямая компиляция из «Устава» Иосифа Волоцкого в завещании-уставе патриарха Никона – пример, на наш взгляд, достаточно показательный. Патриарх Никон, будучи типичным древнерусским книжником, бережно и точ-

но передающим текст своего источника, в то же время не случайно обращается к этому сочинению волоколамского игумена.

Монастырский устав Иосифа Волоцкого сохранился в двух редакциях: краткой и пространной (минейной). Первоначальная, краткая редакция, обнаруженная и исследованная Я.С. Лурье, имеет яркий антиеретический характер и провозглашает ряд важных реформ в монастырском быту (полный запрет всякой личной собственности для монахов – в частности на иконы, книги) [7, с. 116–140]. Составление этой редакции относится к первому периоду творчества волоколамского игумена, когда он, увлеченный полемикой с Иваном III, стремившимся к секуляризации монастырского землевладения и оказывавшим явное покровительство еретикам – особенно московскому еретическому кружку Федора Курицына, призывал оказывать решительное сопротивление «царю-мучителю», оскорбляющему христианскую веру [8, с. 434–436]. Эта редакция сохранилась в сборнике Нила Полева, переданном им в Волоколамский монастырь в 1514 г., при жизни Иосифа (РНБ, Соловецкое собр. № 346/326, л. 6–45 об.) [7, с. 118]. Минейная редакция, текст которой и заимствовал патриарх Никон для своего сочинения,

была создана во второй период творчества писателя, в 1515 г. [9]. В этот период творческой деятельности позиция Иосифа Волоцкого меняется – он становится решительным сторонником великокняжеской власти и заявляет, что «царь убо властью подобен вышнему Богу». Минейная редакция дошла до нас в известном сборнике новоспасского архимандрита, одного из преемников Иосифа по игуменству в Волоколамском монастыре – Нифонта Кормилицына (РНБ. Q.XVII.64) [7, с. 118]. Несмотря на такие особенности памятника, как «строгость», «внешний формализм», что неоднократно отмечалось исследователями Устава Иосифа Волоцкого [10, с. 197–211; 11, с. 83; 12, с. 56–63], в минейной редакции смягчался прежний абсолютный запрет на личную собственность для монахов и вводились три разные «устройства» для различных категорий монахов. Если для краткой редакции типично преобладание принципа «общежития» и связанной с ним нестяжательности, то минейная редакция явно исходит из представления о монахах, имеющих по разрешению настоятеля личную собственность и деньги [7, с. 119]. Еще одна особенность минейной редакции, на характеристике которой специально останавливался Я.С. Лурье, – значительное расширение в ней разделов, связанных с укреплением монашеской дисциплины. При этом, подчеркивал исследователь, дисциплина рассматривалась Иосифом Волоцким как средство поддержания авторитета церкви перед мирянами: в «Слове о соборной молитве» минейной редакции Иосиф специально предостерегал от бесед на молитве в тех случаях, если случится на богослужении присутствовал мирской человек – «обычай бо есть миряном зазиратися и смеятися иноком бесчинствующим». Отклонения от принципа личной нестяжательности и равноправия монахов, усиление темы монашеской дисциплины, появившиеся в минейной редакции, Я.С. Лурье объяснял особой ролью Волоколамского монастыря в XVI в. в системе высшей иерархии русской церкви. Отмеченные изменения в минейной редакции «Устава» были сделаны для привлечения в монастырь большего числа монахов [7, с. 135, 137–138]. Возможно, именно эти особенности Устава Иосифа Волоцкого в минейной редакции привлекли патриарха Никона при составлении им правил поведения монахов в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. Однако Никона, как уже отмечалось, интересовали только две темы: ответственность настоятеля монастыря перед Богом за каждого монаха (тема звучит в предисловии к «Уставу») и поведение монахов в церкви (эта тема раскрывается в первой главе). На мой взгляд, эти темы, а соответственно и предисловие и первая глава «Устава» Иосифа Волоцкого выбраны Никоном намеренно: патриарха беспокоило не столько количество находящихся в его обители монахов, сколько поддержание среди монастырских жителей строгой дис-

циплины и требование к четкому исполнению монашеских правил. Известно, что Воскресенский монастырь осмысливался Никоном как «подмосковная Палестина», как образ – «икона» одновременно и Святой Земли – место жизни и подвига Иисуса Христа, и «Новой земли» «будущего века», Иерусалима Нового. Поэтому монастырь был нарочито населен разноплеменным братством, людьми разных национальностей: здесь были русские, украинцы, белорусы и принявшие православие литовцы, евреи, немцы. Монастырь, подобно Афону, оказывался, таким образом, как бы католическим центром православного подвижничества и ясно свидетельствовал о главной цели вселенской церкви – вести людей посредством духовного подвига к Царству Небесному, олицетворял сущность церкви как Нового Иерусалима [13, с. 73–74]. Кроме того, часто на общей молитве с монахами присутствовали и мирские люди, путешественники, иностранцы, которым патриарх охотно показывал монастырь [14, с. 356]. Они, в свою очередь, подробно фиксировали все увиденное и услышанное в обители, как, например, в 1665 г. это делал голландский путешественник Николаас Витсен [15, с. 185]. Поэтому строгая дисциплина среди монахов должна была укреплять и возвышать монахов духовно, объединять жителей монастыря, делать их неуязвимыми перед лицом мирских опасностей и соблазнов.

В XVI в. Иосиф Волоцкий воспринимался как идеолог сильной монархической власти, в XVII в. протопоп Аввакум видел в нем одного из столпов «древляго благочестия». Примечательно и то, что большую известность среди старообрядческих легенд о патриархе Никоне получили «свидетельства» учеников Никона о поругании русских святых, в частности Иосифа Волоцкого [16; 17, с. 144]. В Сказании о патриархе Никоне, известном в рукописной традиции под названием «О волке и хищнике и богоотметнике Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотеча Антихристов», читаем: «Он же Никон и преподобнаго Иосифа Волоколамскаго чудотворца злословил и поносил, ябедником нарицал таковаго богословца, и не поклонялся ему. О сем глаголют ученицы его Никонны...» [18, с. 234]. Между тем сделанное мной сравнение текстов произведения патриарха Никона и «Устава» Иосифа Волоцкого доказывает обратное. Исследователи проследили связь Иосифо-Волоколамского и Воскресенского Ново-Иерусалимского монастырей на примере архитектурных сооружений, анализа состава библиотек [19, с. 77, 106, 109; 20, с. 469; 21, с. 81–82].

Не принадлежит Никону и авторство второй части его произведения. Статья, название которой у Никона «Веры несумненное мое», встречается в древнерусских рукописных сборниках постоянного состава XVII в.; вошла она и в Цветник священноинока Дорофея –

книгу, написание которой, по мнению исследователей, может быть отнесено к началу XVII в. [22, с. 148–149]. Сравним текст статьи в произведении Никона с тек-

стом отдельной статьи «О вере несуменной» из рукописного Цветника священноинока Дорофея 80-х гг. XVII в. (РНБ, собр. Колобова, № 287).

«О вере несуменной» (Цветник священноинока Дорофея)	«Веры несумненное мое» (Завещание-устав патриарха Никона)
Веруяи несуменно не избирает, коею смертию скончается: или человек и от зверей, или гладом, или от нужных великих трудов тяжелых, или простая смерть. Двух бо смертей не будет, а единыя никтоже избежати может. Единою бо возложившись на Бога человек во всех нуждах своих Царствия ради Небеснаго и умрыи мирови к тому не ищет, како скончается, ктому не печется собою. Единою возложившись на Бога, елика творит, успеет и везде обрящет // полезное души своей. Но весть точию, яко Бога ради на вся скорби предается, и на всяком месте спасение обрящет по вере же нашей, и благодать Божия нам дается. Больше веруем – больше и благодати дается, мала вера - мало и благодати дается и терпения. Но ничтоже случится, кроме промысла Божия и строения, но точию ищет Бог от нас самовластного произволения ума нашего, но судьбы Божия неиспытанны суть (л. 297-297 об.)	Веруяи несуменно не избирает, коею смертию скончается: или от человек, или от зверей, или гладом, или и от нужди великих трудов. Двех смертей не будет ти, о Никоне, а единыя, и никто же избежати возможет. Единою бо возложившись на Бога во всех нуждах своих царствия ради небеснаго и умрыи мирови к тому не ищет, како скончается, к тому и не печется собою. Единою возложившись на Бога, и елика творит, успеет и везде приобрящет полезное души своей. Но и се да весть точию, яко Бога ради на вся скорби несуменно предается, и во всяком месте спасение си обрящет по вере бо нашей, и благодать Божия дается нам. Мала вера – мало дается. Больше же веруем – пребольше и благодати Его восприемлем и подаются терпения крепость. Но и ничтоже не прилунится нам, кроме Божия промышления и устройства Его, точию же, о душе смиренная моя, ищет от нас Бог самопроизвольное произволение от ума нашего. Но Божия судьбы неиспытанны суть (л. 485 об.)

Таким образом, используя бытовавшие в рукописной традиции самостоятельные произведения, патриарх Никон создал собственное единое, композиционно завершенное произведение завещательно-уставного характера. Произведение Никона содержит формальные признаки духовной грамоты: автор начинает повествование с молитвы, которая как бы предшествует исповеданию веры и заверению автора в истинность его веры. Статья «Веры несумненное мое» выступает своеобразным вариантом исповедания. Исповедание веры было неотъемлемой частью духовных завещаний игуменов в литературе византийской традиции [3, с. 86, 88]. Из русских игуменских завещаний эта черта, по мнению Ф. Лиленфельд, отразилась только в Предании Нила Сорского, причем наличие в этом произведении исповедания веры автора дало основание исследовательнице утверждать,

что Нил Сорский сознательно следовал литературному прообразу игуменских уставов-завещаний, а именно завещанию Феодора Студита, которое также начинается с исповедания веры; таким образом, наличие исповедания веры, подчеркивает «завещательный» характер Нилова Предания, подобного завещаниям «великих» игуменов на смертном одре [3, с. 94]. Возможно, патриарх Никон, как известно, подражавший греческим образцам в богослужебной практике, мог использовать в качестве литературного образца игуменские уставы-завещания византийской литературной традиции. По форме произведение патриарха Никона является завещанием, а по содержанию – уставом. В тексте содержится жанровое указание: Никон называет свое произведение «завещанием», причем это авторское указание, не заимствованное из текста Иосифа Волоцкого:

Духовная грамота Иосифа Волоцкого	Завещание-устав патриарха Никона
Сего ради поне отныне попечемся о евангельских заповедех и отечьских писаниих, и о еже зде написанных преданий, по сведетельству Божественных Писаний, яже суть сия (стб. 501)	Сего ради отныне попечемся о Евангельских святых заповедех и о отеческих преданиях и писаниих, и о еже зде, во завещании сем, написанных предании, по свидетельству Божественных Писаний, яже суть сия (л. 487)

Эти особенности позволяют определить жанр произведения Никона как завещание-устав настоятеля монастыря, созданного в византийско-русских литературных традициях этого жанра.

Когда же патриарх Никон составил духовное завещание? Упоминания о «злоприключениях» патриарха, рассуждения о терпении и смерти, о пребывании в заключении в Воскресенском монастыре, о необходимости зафиксировать существующий в монастыре свод правил, которые «по моем отшествии

начнут хранить сия», позволяют датировать это произведение первой половиной 1660-х гг., точнее – временем до конца ноября 1666 г., когда опальный патриарх выехал из Воскресенского монастыря в Москву для осуждения на Соборе, но после сентября 1660 г., когда Никон вернулся в Воскресенский монастырь после пребывания сначала в Иверском, затем в Крестном монастырях [23, с. 24, 27]. Именно с осени 1660 г. началось активное строительство Воскресенского собора. В начале 1660-х гг. устроены и освя-

щены самим патриархом Никоном: церковь в честь Усекновения главы пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна; церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы; придел поругания Господня; придел разделения риз; придел написания титула, или мученика Лонгина сотника; 15 сентября 1662 г. патриархом Никоном водружен подпрестольный Крест в южной части Голгофской церкви, в приделе в честь Воздвижения честного и животворящего Креста Господня [24, с. 379–381]. Несомненно, что именно во время сооружения главного соборного храма Воскресенского монастыря необходимо было составление правил богослужения и поведения монахов Ново-Иерусалимской обители. Дата составления церковного устава этого монастыря – 23 октября 1660 г. – известна из предисловия к уставу, сохранившемуся в нескольких списках XVIII–XIX вв. Принятый при патриархе Никоне порядок богослужения, церковный устав и монастырский чин, сохранялись все время пребывания святителя в Воскресенской обители. После отъезда Никона в Москву на Собор 1666 г., оставшиеся в обители монахи приняли решение не менять принятый порядок жизни. В предисловии рассказывается, что 10 декабря 1666 г. настоятель Воскресенского монастыря Акакий поехал в Савво-Сторожевский монастырь, где в то время находился

царь Алексей Михайлович, государь «приказал изъясно своим государским словом» сохранять чин и устав, как при патриархе Никоне. Приехавший вскоре в Воскресенский монастырь царский духовник протопоп Андрей Савинович приказывал государевым словом настоятелю, «чтобы чина и устава церковного и монастырского, как было при святейшем Никоне патриархе пение, чтение и звон – так бы все творили, а ничего не изменяли». То же повторил, обращаясь к братии, царь Федор Алексеевич, посетивший Воскресенский монастырь в сентябре 1678 г. За одну ночь келейник патриарха Никона Герман, иеромонах Тихон, иеродиакон Иннокентий и будущий архимандрит Никанор записали церковный устав и монастырский чин, которые были при патриархе Никоне (РГБ, собр. Братства св. Петра, № 10, л. 51–52). Возможно, не только глубокое почитание патриарха Никона, искреннее уважение к его деяниям служили основой для сохранения порядка богослужения, церковного устава и монастырского чина, сложившихся в обители при святителе, но и личная просьба, забота патриарха-основателя монастыря, выраженная им самим в завещании-уставе, послужили мощным стимулом для дальнейшего строительства обители уже без патриарха Никона, но в русле его идей и начинаний.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 02-04-00251а.

Литература

- Музейное собрание. Ф. 178 – русская (и славянская) часть. Оп. Т. 5 (№ 8462–9500). М., 1971. Машинопись.
- Севастьянова С.К. Духовное завещание патриарха Никона // Патриарх Никон и его время. М., 2004.
- Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // Тр. отд. древнерусской лит.-ры. Т. 18. М.; Л., 1962.
- Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь, дни 1–13. СПб., 1868.
- Коротченко М.А. Влияние сочинений Иосифа Волоцкого на исторические повести о Смутном времени // Герменевтика древнерусской лит.-ры. Сб. 10. М., 2000.
- Солодкин Я.Г. Авраамий Палицын – русский политический деятель и публицист начала XVII в. Воронеж, 1977.
- Лурье Я.С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого – памятник идеологии раннего иосифлянства // Тр. отд. древнерусской лит.-ры. Т. 12. М.; Л., 1956.
- Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.
- Зимин А.А. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Тр. отд. древнерусской лит.-ры. Т. 9. М.; Л., 1953.
- Булгаков Н.А. Преподобный Иосиф Волоколамский. СПб., 1865.
- Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
- Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина. СПб., 1868.
- Лебедев Лев, протоиерей. Новый Иерусалим в жизни святейшего патриарха Никона // Журн. Московской патриархии. 1981. № 8.
- Фельдман Д., Прокопенко А. «Еврейские мотивы» следственного дела патриарха Никона. Донос крещеного еврея М. Афанасьева царю Алексею Михайловичу в 1666 г. // Вестн. Еврейского ун-та. История. Культура. Цивилизация. 2001. № 6 (24).
- Николаас Витсен. Путешествие в Московию, 1664–1665. Дневник / Перевод со староголландского В.Г. Трисман. СПб., 1996.
- Бубнов Н.Ю. Сказания и повести о патриархе Никоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 3. СПб., 1998.
- Бубнов Н.Ю. Сказания о патриархе Никоне // Тр. отд. древнерусской лит.-ры. Т. 41. СПб., 1988.
- Титова Л.В. Сказание о патриархе Никоне – публицистический трактат пустозерских узников // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998.
- Воронов Н.В., Сахарова И.Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Мат-лы и исслед. по археологии Москвы. Т. 3. М., 1955.
- Кондратьева Е.В. Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // Памятники культуры: Новые открытия. 1980. Л., 1981.
- Леонид, архимандрит. Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре // Вестн. Общества древнерусского искусства. М., 1876.

22. Вознесенский А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века: Введение в изучение. СПб., 1996.
23. Леонид, архимандрит. Исторический очерк Иверской Святоозерской обители в ее патриарший период (с 1653 по конец 1666 г.) // Русская историческая библиотека. Т. 5 (Акты Иверского Святоозерского монастыря: 1582–1706). СПб., 1878.
24. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.

P. Burzaco

SPAIN IS DIFFERENT. AN OVERVIEW ON SPANISH TRADITIONAL MUSIC

Barcelona University, Spain

Introduction

As we think on Spain and its music, flamenco rises as the one and only Spanish prototype of traditional music, although, once inside the cosmos of Spanish traditional music, you can find a variety almost as wide as the Russian one including all the nationalities.

So much? Can we ask. Yes, I risk to answer. The second country in Europe in mountains, just after Switzerland, and a history full of guests, by force or by the way, gives Spain a really wide spectrum of local cultures and traditions.

This state hasn't the aim of being a deep search on Spanish folklore, but a light touch on its surface, a first glance on it that, perhaps, can be the beginning of a further study by any of our readers.

Regional Division

Although generalizations are difficult, we can broadly divide Spain in four musical regions, characterized by the use of certain instruments:

1. The Northern Region: Includes the Communities of Galicia, Asturias, Cantabria, Basque Country, and Pyrenees (North of Navarra, Aragon and Catalonia). The characteristic instruments are the bagpipe, mostly to the west, and the accordion, in centre and east.

Usually known as the «Wet Spain», in contrast to the «Dry» one, is the greener and less usual view of Spain, more alike to our images of Ireland or France. Can be described by the *continuum* of mountains from the Galician mountains, the Cantabrian chain and the Pyrenees.

2. The Central and Levantine Region: Includes the Communities of Castilla y León, Rioja, Southern Aragon and Catalonia and Comunitat Valenciana. The characteristic instrument is the «chirimña» or «dulzaina».

Geographically characterized by the Castilian wet north and the fertile fields of the Mediterranean coast, an alternation of fertile valleys, bold lands and medium dry mountains.

3. The South Region: Includes all the rest of the peninsula. Is characterized by the main use of stringed instruments, guitars and «bandurrias», and the almost disappearance of wind instruments.

Is the driest part of Spain, containing all the central plains and the southern Betic and Penibetic chains.

4. The Islands: Includes both Balearian and Canary Islands, although both are radically different, but each in its peculiarity resembles the usual permeability of islands in folklore.

We won't include Ceuta nor Melilla, for, although they are Spanish communities in the north of Africa, their musical folklore belongs to the Moroccan tradition, out of the slight part shared with Andalusian tradition.

This division doesn't mean that the use of instruments is limited to each area, for in many areas they share territories and repertoire, but are distinctive of not only the music, but the shared genders and uses.

Description

General

As a general view, we can differentiate in Spanish folklore two kinds of music: the dance music and the non-dance music.

The non-dance music is often religious song or familiar celebration singing, including the «virtuoso» singing in competition, or at least in one-self's demonstration. Also includes the historical registers of the legends and history of the communities, being usually the oldest part of the repertoire.

The dance music usually includes the instrumental and the vocal music. It's not usual the dance without any song, nor the pure instrumental music. If we find dances with a simple instrumental accompaniment, it's very possible that we are in front of a ceremonial (many times half-pagan) dance. Other possibility is that we are listening a ball-dance, very easy to difference because the ball repertoire is easily renewed and includes many international dances from the early years of XXth century (vals, polka, rigaudon...).

Dances and have been worked almost in exclusivity by the «Choirs and Dances» ensembles of the Feminine Section of the Falange Española from the early fifties to the middle seventies, as the cultural arm of the National Movement of General Franco, who ruled Spain from 1939 to 1975.

The work of the Feminine Section allowed to preserve much repertoire that was cursed to extinction because of desruralization of the countryside and the massive diffusion of radio, later also TV, broadcasts. But also had the evil side of the typification and standardization of the